

26 июня 1970 г. ● № 147 (15627)

ДВУХСОТАЯ ПРЕМЬЕРА

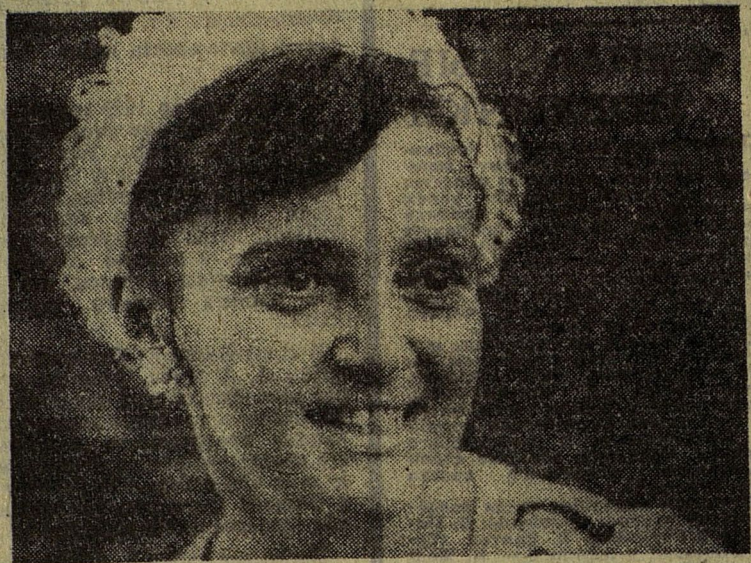
Мне не повезло: я не увидела в «Медее» Евгению Козыреву. Но эта неудача внезапно обернулась радостью — я открыла для себя Софию Зайкову.

Наверное, это очень трудно — быть дублером. Всегда быть рядом с исполнителем прославленным и любимым, знать, выходя на сцену, — публика ждала не тебя. И при этом не утрачивать нежности и верности образу, доставшемуся двоим, не отпускать от себя вдохновения — ни на спектакль, ни на миг.

После того, как заболела Козырева, София Зайкова осталась в Омске наедине с «Медеей». Она приняла на плечи весь груз еврипидовой трагедии, и публика оценила ее мужество и

и неуместными всеильными прежде чары и приходит необходимость решать тяжкую задачу мщения ценой собственного страдания. Мы были ослеплены пламенем чувств Медеи, и в ответах этого пламени так ничтожен, так нищ оказался жалкий корыстолюбец и предатель Ясон...

Гнев и нежность, отчаяние и решимость, мягкая женственность и непостижимая жестокость, растерянность и сила жили, противореча друг другу, в Медее Зайковой. И еще жила красота, влекущая, почти гипнотическая — в глубоком сильном голосе, в выразительных глазах, в пластике, напомнившей о лаконичной грации античных скульптур...

дарование, заплатив ей благодарными рукоплесканиями.

Я видела Софию Зайкову в «Медее» в тот день, когда она играла эту роль в двухсотый раз.

Она металась по сцене, как большая тревожная птица, и, словно крылья, билась за ее плечами то черные, то синие, то белые складки покрывала. Она была воплощением тяжкой, непереносимой, безысходной муки. Мы читали в ее безмолвно кричащих глазах мучительную, неотступную думу: как отомстить за поруганное достоинство, за унижение, за крушение любви и веры?! Говорила ли она с Ясоном, гордо и гневно, улыбалась ли она в последний раз своим детям, молчала ли скорбно, накрыв голову белым покрывалом, — мы чувствовали неистовое биение этой мысли, которое могло вылиться только в одно — в страшный, чудовищный взрыв...

Я смотрела на нее и в который раз удивлялась волшебству искусства, чуду перевоплощения. Накануне я видела Софию Зайкову в Таврическом, куда маяковцы ездили на встречу с хлеборобами. Милая, темноволосая женщина в простеньком синем платье скромно отвечала на аплодисменты переполненного зала, по-детски радостно плескалась в Иртыше, стойко и весело переносила неожиданное путешествие в тряском кузове грузовика, когда дорожное происшествие изгнало актеров из комфортабельных «Икарусов»... В ней, обаятельной и простой, трудно было угадать мрачную красоту Медеи, ее неистовый темперамент, ее трагическую страсть. Трудно, хотя я уже знала от многих, что Зайкова хороша в роли Медеи.

Чудо произошло, когда в зале погас свет и взору публики явилась мятущаяся и страдающая Медее. Явилась издалека, из глубины пятого века до нашей эры, из древнего мифа, вдохновившего великого эллинского драматурга Еврипида на создание бессмертной трагедии. Она пришла из времени, одновременно красивого и жестокого, в котором царили чуждые нам законы, — и сумела, вопреки содеянным ею злодеяниям, наполнить наши сердца сочувствием, сопереживанием, восхищением несгибаемой своей силой.

Мы пережили вместе с Медеей — Зайковой страшный день, до предела напряженный и пришедший к трагическому исходу. Мы сквозь черные тени этого дня увидели красоту и душевное богатство Медеи. Увидели, как соединились в ней зловещая сила колхидской волшебницы и отчаяние страдающей женщины, увидели, как женщина побеждает волшебницу, как становятся ненужными

София Зайкова играла Медею в двухсотый раз — с тем же волнением, с тем же вдохновением, что и впервые — в ленинградских гастрольях шестидесят четвертого года.

Она в театре Маяковского с 1956 года. Ее дебютом была Офелия в «Гамлете». Она сыграла более двадцати ролей — в «Аристократах», «Дальней дороге», «Иркутской истории», «Океане», во всех охлопковских спектаклях, снималась в кино. И над всем этим была «Медее» — сначала мечта о заглавной роли, потом — сама роль.

Когда начинали работу над «Медеей», в театре был объявлен конкурс. На роль Медеи претендовали Евгений Козырев, Вера Гердрик и София Зайкова. Пальма первенства в этом состязании досталась Козыревой, но Охлопков одобрил и работу Зайковой, углав в ней будущую Медею. Путь к своей Медее актриса начала с Корифейки. Три года она играла Корифейку и три года смотрела на Медею Козыревой, и каждый спектакль был открытием, радостью, праздником.

Она подолгу просиживала в библиотеках, часами ходила по музейным залам, изучая древнюю Элладу, проникаясь ее духом, — целую диссертацию можно сделать из тех материалов по истории, литературе, искусству, этнографии, которые помогали Софии Зайковой идти к своей Медее. Она училась не только у Козыревой — еще и у Папатамасу Аспасии, сыгравшей в нескольких спектаклях театра. Смотрела, волновалась, запоминала пластический рисунок роли, впитывала подлинный греческий колорит, училась искусству работы над голосом. Аспасия была на спектакле Зайковой, и так дороги были актрисе розы, преподнесенные ей греческой Медеей...

Она играла Медею двести раз. В Москве и многих городах Союза, в театрах, в торжественных галлереях опер и филармоний. Двухсотый раз она вышла в «Медее» на омскую сцену («В Омске очень благодарный зритель, чуткий и объективный, — говорит София Александровна. — Знаете, как это вдохновляет, какой нежностью наполняет сердце? Нам хорошо работалось здесь, и хочется верить, что наши спектакли запомнятся...»).

Двести раз — казалось бы, уже пора привыкнуть, уже незначем волноваться. И все-таки актриса волнуется перед каждой «Медеей» — будто снова премьера, будто это — долгожданный счастливый дебют.

Е. ЗЛОТИНА.

НА СНИМКЕ: София Зайкова.

Фото Б. ЧИГИШЕВА.